

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МИКРОСИСТЕМЫ ТОПОНИМОВ КАК ФАКТ НОМИНАЦИИ

Семантические микросистемы в топонимии — комплекс семантически связанных названий смежных объектов. Рассмотрим это определение подробнее.

Семантика топонима — понятие о данном географическом объекте, включающее сведения о виде объекта и его местоположении. В то же время семантика — расширяющийся конус наших знаний об объекте, она неисчерпаема. Местоположение и вид объекта — вершина конуса, ближайшее значение топонима, обязательный минимум информации, необходимый для того, чтобы слово было для нас не лишенной смысла последовательностью звуков, а значимой единицей — топонимом. Аппеллятив, положенный в основу названия, не всегда отражает местоположение и вид объекта, он может отражать и другие свойства объекта, знание о которых входит в объем дальнейшего (энциклопедического) значения топонима. Однако несомненно, что в случае, когда название формируется на основе изучения свойств объекта, семантика исходного аппеллятива входит в состав семантики топонима, причем является важнейшим для лингвистов компонентом топонимической семантики. Необходимо учитывать, что семантика исходного аппеллятива и то значение аппеллятива, которое закрепляется в названии, строго говоря, не одно и то же. В топонимии, как и во всякой другой речевой реализации языкового значения, функционирует специализированное значение исходного аппеллятива: появляются новые смысловые оттенки, а какая-то часть исходной семантики может редуцироваться. Таким образом, корректнее было бы говорить об особом топонимическом значении аппеллятива, однако это терминологически неудобно; кроме того, в ономастической литературе достаточно распространено определение семантики топонима как семантики исходного аппеллятива. Итак, под семантикой топонима мы понимаем семантику исходного аппеллятива (с учетом сделанных выше оговорок).

Семантическая связанность топонимов получает свое внешнее выражение в появлении номинативных комплексов, элементы которых объединены различными семантическими отношениями (антонимическими, синонимическими, эквонимическими и др.). Но, например, в отношениях антонимии (на уровне исходных аппеллятивов) могут оказаться и названия удаленных объектов. Условие смежности объектов обеспечивает связь глубинную, сущно-

стную — связь причин названия, т. е. признаков номинации. Признак номинации — единица «объектного» уровня, это свойство объекта, положенное в основу названия. Семантическая модель, реализующаяся в своих вариантах-лексемах, — единица языкового уровня, это значение исходного апеллятива. Чаще всего значение исходного апеллятива отражает свойства объекта, но это происходит не всегда, поэтому целесообразно разведение этих понятий. Изучение семантически связанных названий смежных объектов дает интересную возможность пронаблюдать соотношение номинативных признаков и семантических моделей.

Каковы же причины появления семантических микросистем топонимов?

Главная функция топонима — ориентировочная: «Система географических названий ... являлась вербальным эквивалентом карты во все времена, особенно в бесписьменной древности. Успешному функционированию древних топонимов в этой роли способствовала их прозрачная семантика, их прочная связь с «нарицательными» именами» [1, с. 5—6]. Даже потеряв прозрачную семантику, став ортодоксальным знаком, топоним преодолевает эту знаковую ортодоксальность для более успешного выполнения ориентировочной функции: топонимия стремится к отражению в названии свойств объектов или реально существующих взаимоотношений их с другими объектами и с человеком, т. е. стремится к мотивированности, смысловой наполненности. Не случайно у названий, не обладающих понятной внутренней формой, со временем появляются разнообразные определения: *Полдневая Курденьга, Перекопной Кумбисер, Живой Леваш, Левая Урма, Долгое Корокмано, Горный Аштар* и др. Прозрачная семантика поддерживает ориентировочные возможности топонимов. Иногда изменениям свойств объектов сопутствует модификация названий. Это можно показать на следующем примере: на берегах реки Леменьга в Вельском районе Архангельской области было две деревни: на одном — *Леменьга*, на другом — *Залеменьга*. Сельсовет (точка отсчета) располагался на том же берегу, что и деревня Леменьга. Затем он был перенесен на противоположный берег — и названия поменялись местами: *Залеменьга* стала *Леменьгой*, и наоборот. Изменения названий для более точного отражения свойств объекта известны и в других ономастических системах. Ср. в астрономии: «... представление приспосабливается к объекту: «мерин» становится горбатым, у «лося» вырастает длинный хвост... Это приспособление может выражаться в названии (*Горбатый Мерин*), может лишь сохраняться в самом представлении о созвездии» [2].

Таким образом, два ряда — объектный и языковой — накладываются друг на друга в памяти человека; топонимический ряд поддерживается объектным, и наоборот.

Семантическая связь названий (как и структурная) вносит

определенные элементы организации в топонимическое пространство, сигнализирует о связи объектов. При этом происходит приращение ориентировочных возможностей топонимов.

Семантически связанные названия, как правило, появляются в результате детализации представления об объектах: топонимическая система вначале только обрисовывает контуры местности, а затем, в ходе практического освоения географических объектов, начинает прорисовывать детали. У большой реки обнаруживается маленький приток, у горы — две вершины, поле делится на полосы. Расчленение природных комплексов, детализация представлений об объекте должны получить отражение в названии. Семантическая связь топонимов — один из путей такой дифференциации (конечно, не единственный).

Показательно, что количество семантически связанных названий увеличивается по мере сложения топонимической системы, когда идет дальнейшая детализация уже названного. Например, Топонимическая экспедиция Уральского университета, побывавшей в разное время на территории Устьянского района Архангельской области, дважды был записан следующий комплекс образных топонимов: 1970 г., пож. *Баба*: пож. *Бабья Голова* — пож. *Бабья Ножка*; 1987 г., пож. *Васютина Баба*: пож. *Голова* — пож. *Середка* — пож. *Ножка*. Другое проявление этой тенденции: в топонимии Коми АССР очень мало названий с семантически связанными русскими определениями [3], а в топонимии Мордовской АССР их во много раз больше [4]. Это говорит о том, что мордовская топонимическая система, в отличие от топонимической коми, хорошо освоена русским населением. Тенденция увеличения числа бинарных оппозиций в связи с укреплением и сложением молодой топонимической системы отмечена также И. А. Воробьевой [5] и Т. В. Чернышовой: «Чем выше процент названного, тем жестче влияние формирующихся системных отношений на вновь создаваемые названия. Поэтому если в начале XIX века коррелирующие оронимы немногочисленны, то к середине XX века около 67% названий положительных форм рельефа и 78% наименований отрицательных форм рельефа являются противопоставленными по форме, размеру, расположению и другим признакам» [6]. То есть по мере сложения топонимических систем возрастает их рациональность, осязаемым становится стремление к «симметричности» в их организации. Особенно ярко это проявляется в ойконимии — наиболее искусственном из всех топонимических разрядов.

Логический итог подобных процессов — резкое увеличение доли семантически связанных комплексов названий в искусственной топонимии — самой рациональной сфере топонимии, где велика роль субъективного фактора при образовании названий.

Таким образом, семантический ряд — это модель конкретиза-

ции общего понятия. Процессы конкретизации происходят в языке постоянно. Самый глобальный из них — превращение имен нарицательных в имена собственные: «Сперва человек должен был подняться до необходимости обобщения, а только потом, на новом витке познания, вернулся к необходимости различать и называть предметы одного класса. Следовательно, собственные имена по самой логике развития языка должны быть вторичны» [1, с. 5]. Семантические микросистемы — микроскопические клеточки в организме языка, в которых воспроизводится общезыковой процесс — появление видовых наименований из родовых.

Процессы конкретизации, происходящие внутри топонимической системы, поддерживаются также способностью топонимии образовывать регулярные семантические оппозиции. Языку свойственна системная организация, топонимы — часть лексической системы языка, а не какая-то особая по своей организации сфера, находящаяся то ли на периферии лексической системы, то ли вообще за ее пределами. Семантическая связанность названий — проявление системности языка в топонимии.

Рассмотрим особенности номинативного процесса при образовании семантических микросистем, обращая особое внимание на взаимоотношения номинативных признаков и семантических моделей. По характеру связи между номинативными признаками и семантическими моделями можно выделить семантические микросистемы с внутренним и внешним типом связи.

О внутреннем типе связи можно говорить в случае обусловленности всех членов микросистемы свойствами объекта. Например, р. *Лесная Ливна* — р. *Полевая Ливна* [7, с. 60] (особенности ландшафта), поле *Высокая Новина* — поле *Плоская Новина* [8] (рельеф), гора *Печь* — гора *Труба* [8] (форма + взаимное расположение объектов), р. *Живая Харасейка* — р. *Мертвая Харасейка* [9, с. 60] (скорость течения) и др. О внешнем типе связи можно говорить, когда номинативный признак извне приписывается либо всем объектам: улицы *Штурман* — *Русалка* — *Каюта* — *Кит* [10, с. 115], либо одному (нескольким) из них: о-в *Чабак*¹ — бухта *Малахай* [11, с. 203], р. *Хмелевка* — р. *Бражка* — р. *Сусло* — р. *Некваса* [8], острова *Кораблик* — *Лоцбот* — *Клиппербот* — *Вельбот* — *Катерок* — *Ледянка* — *Красноярец* — *Тузик* [11, с. 160], р. *Мочальна* — низина *Мыло* [8].

Семантические микросистемы с внутренним типом связи между номинативными признаками и семантическими моделями появляются вследствие расширенного восприятия объекта номинации: в сознании номинатора он существует не изолированно, а как элемент какой-то общности объектов. При этом задачи номинатора усложняются: он должен не только охарактеризовать объект, но и ука-

¹ *Чабак* на поморском наречии — меховая шапка [11, с. 203].

зять его место по отношению к другим объектам. Если объекты сопоставляются по субстанциональному признаку, номинации самостоятельны относительно друг друга: поле *Пески* — поле *Глины* [12, с. 171], оз. *Щучье* — оз. *Окунево* — оз. *Карасье* — оз. *Гальянное* [8] и др. Семантическая связанность топонимов проявляется в выборе единого основания для деления.

При сопоставлении объектов по качественному признаку (наиболее распространенная ситуация для семантических микросистем) номинативный процесс имеет свою специфику. Качества объектов представляются номинатору относительными. При этом происходит определенная перестройка семантической структуры слова, т. е. актуализируется денотативная относительность семантики: «Подвижность, избирательность субъектом объекта определяет ... подвижность, относительность каждого элемента внутри языка» [13]. Стремление сравнивать, соотносить — неотъемлемое свойство человеческого мышления. В определенных ситуациях человек может сравнивать, казалось бы, несравнимое. Например: «Эта роща березовее, чем та» — о роще с раскидистыми, высокими березами (как на картине Левитана) в отличие от рощи молодых, с небольшой кроной деревьев. Относительность семантики — языковое проявление всеобщей категории относительности, в этом смысле относительность денотативна.

Семантическая относительность актуализируется ситуативно. Это происходит, когда есть база для сопоставления (в нашем случае — смежность географических объектов и однородность их свойств). Номинация пластична: название может совмещать качественные и относительные характеристики, однако эта пластичность имеет свои пределы. Учет отношений между объектами изменяет качественную характеристику объекта. Ситуация, «объектный контекст», влияет на выбор номинативного признака. Мы можем назвать овальное озеро *Круглым*, если оно имеет более правильную форму, чем расположенное поблизости вытянутое и длинное озеро; мы назовем достаточно низкую гору *Высокой*, если рядом есть гора пониже; озеро может называться *Сладким*, если в нем не сладкая, а просто пресная, пригодная для питья вода, когда вокруг много озер с горькой водой.

При номинации, в основе которой качественный признак, в некоторых случаях наблюдается такое своеобразное явление, как определенная мотивационная асимметричность внутри семантического ряда. При номинировании смежных объектов номинативные акты изолированы и далеко не всегда одновременны. Но при этой изолированности последующие номинации могут быть производны от толчковой, т. е. работает формула «если... то». Мотивационная асимметричность проявляется в том, что производное название семантически менее самостоятельно, так как в его семантической структуре относительные семы играют большую роль, чем у названия-стимула.

В настоящее время установившимся в лингвистической науке можно считать положение о существовании трех принципов номинации, т. е. в названии могут быть отражены: 1) собственные свойства объектов, 2) связь объектов с человеком, 3) отношение к другим объектам. Эти принципы отражают итог номинации. Если рассматривать процесс создания названия, то необходимо учитывать движущий мотив номинации. Типология принципов отвечает на вопрос, что отражается в названии, типология мотивов — как рождается название. Представляется, что с точки зрения движущего мотива «стимулированные» номинации являются номинациями от другого объекта. Они ономаσιологически производны от названия-стимула.

Например, в названиях рек довольно часто функционирует лексема *мокрый*. Для характеристики гидрообъектов это определение явно тавтологично. Дело в том, что «мокрые» названия обусловлены «сухими»: во-первых, «сухие» гораздо частотнее, чем «мокрые»; во-вторых, подавляющее большинство «мокрых» названий на разных территориях коррелирует с «сухими»; в-третьих, «мокрые» названия редко употребляются самостоятельно, а в основном функционируют в качестве определений, что говорит об их вторичности. Эти названия появляются по принципу бумеранга: течет река *Каменка*, меняет русло; старое, пересохшее русло называют *Сухой Каменкой*, основное — *Мокрой Каменкой*. В парах, составленных топонимами с определениями *дальний* и *ближний*, первичны скорее всего «дальние» названия, так как признак удаленности обладает большей различительной силой, чем признак близкого расположения: человек склонен тщательнее номинировать то, что находится около него, не ограничиваясь простым указанием на близость объекта. В паре пережат *Железный* — пережат *Деревянный* [8] название-стимул — *Железный*. *Железными* (*Железными Воротами*) образно называют пережаты, узкие места на реке с сильным течением, где трудно плыть («железная сила нужна», как объясняет информант). Соседний пережат с более спокойным течением получает название *Деревянный*. Пара *железный* — *деревянный*, обозначающая большую и меньшую степень проявления какого-либо признака, закреплена в нарицательной лексике, фольклоре.

Ономаσιологически производные названия могут появляться не только при номинациях, в основе которых — качественный признак. Существуют номинации, когда объекты группируются вместе, воспринимаясь как части единого целого: гора *Печь* — гора *Труба*. В этом случае номинативный процесс тоже разворачивается по формуле «если... то»: если большая гора похожа на печь, то возвышающаяся над ней маленькая — на трубу.

Особо следует сказать об особенностях номинативного процесса при образовании так называемых «синонимических» пар.

Говорить о синонимии названий разных объектов некорректно — это объясняется природой имени собственного: «В имени собственном совмещены две функции: во-первых, индивида, во-вторых, индивида, который не похож ни на какие другие индивиды» [14]. Однако в топонимическом пространстве можно встретить ряды топонимов, в основе которых — синонимичные лексемы. Например, р. *Бешеная Протока* — р. *Чумная Протока* [15], бол. *Железная Орга* — бол. *Рудная Орга* [8], р. *Горбовица* — р. *Холмовица* [12, с. 207], оз. *Горькое* — оз. *Соленое* [16], р. *Горькая* — р. *Соленая* [17, с. 132], р. *Гремелка* — р. *Шумелка* [8], оз. *Косое* — оз. *Кривое* [8], р. *Косая* — р. *Кривая* [8], оз. *Крещеная Яма* — холм *Святая Горка* [8], перевал *Кряхтун* — перевал *Пыхтун* [18], оз. *Мелкое* — оз. *Плоское* [8], ск. *Плакун* — ск. *Ревунчик* [8], поле *Баское* — поле *Красивое* [8] и др. Ср. также названия горных вершин в Хорватии: *Дурмитор* — *Ципитор* — *Визатор* (лат. «спящий», «дремлющий», «видящий сны») [19]. Как появляются такие названия?

Вспомним: причина появления семантической микросистемы — конкретизация, которая может проявиться в разложении какого-либо ономастического комплекса. Например, для указания на принадлежность реки к определенному речному бассейну используются своего рода фоновые названия: в бассейне р. *Волчьи Воды* (*волчий* здесь имеет пейоративное значение, обозначая объект с непригодной для использования водой) многие реки называются *Солеными*. В одну из таких рек впадает р. *Горькая*. В бассейне р. *Вороница* (от *вороной* — черный) есть названия с определением *черный* [20]. Помимо фоновых номинаций, существуют другие пути возникновения «синонимических» рядов. Если рядом текут две речки с искривленными руслами, их можно назвать *Первая Кривая* и *Вторая Кривая*, а можно — *Кривая* и *Косая*. Если два звонких ручья впадают в речку друг напротив друга, они могут быть названы *Левая Гремелка* и *Правая Гремелка* или *Гремелка* и *Шумелка*. Это явление А. К. Матвеев назвал «метонимическим расщеплением на базе синонимии» [21]. Подобные названия появляются вследствие стремления языка использовать экономный способ дифференциации объектов со сходными свойствами. Такая «синонимия» не является ономастологической категорией, она не выражает оттенков в значении лексем, хотя об этом не всегда можно говорить уверенно.

Таким образом, при появлении «синонимических» рядов большую роль играет чисто языковой фактор — ассоциативная синонимическая реакция на название-стимул. Определенная сверка со свойствами объекта здесь происходит, но эти свойства учитываются постольку, поскольку они не противоречат номинативному замыслу. Подобные ряды — своего рода переходное явление между семантическими микросистемами с внутренним типом связи между

номинативными признаками и семантическими моделями и системами с внешним типом связи.

Перейдем к рассмотрению семантических микросистем с внешним типом связи между номинативными признаками и семантическими моделями (или, другими словами, к рассмотрению непризнаковых систем).

Непризнаковые системы появляются в результате «облегченной» схемы номинативного процесса. Из схемы выпадает важная ступень — выбор признака номинации. Название «проскакивает» эту ступень, «вырастая» не из объекта, а из другого названия. Фактором для появления таких непризнаковых рядов становится сама система языка, имеющаяся в нем тяга к образованию словесных оппозиций, увлекающая сила ассоциаций. От реальных взаимоотношений объектов остается только факт их связанности (смежности), а дальше развитие идет в чисто языковой сфере. Представляется, что здесь можно говорить о номинации от другого названия (ср. номинацию от другого объекта).

Системы с внутренним типом связи тоже могут разворачиваться ассоциативно, но направление ассоциации корректируется, сворачивается со свойствами объекта. При формировании непризнаковых рядов такой сверки не происходит, т. е. схема номинативного процесса такова:

Несмотря на безграничные, казалось бы, возможности ассоциативного скольжения, в естественной топонимии длинные ряды не закрепляются (обычно они насчитывают не более трех компонентов). Это происходит потому, что, по-первых, «давление системы ослабевает там, где возрастает архитектурная сложность языковой единицы» [22], во-вторых, ряды, возникшие по механической ассоциации, «нерентабельны», так как они не дают информации о свойствах объекта. Непризнаковые корреляты лишь указывают на факт смежности объектов, т. е. ряд становится своеобразным мнемотехническим средством запоминания топонимов.

Таким образом, пути создания микросистем разнообразны. В основу предлагаемой типологии микросистемы положен принцип обусловленности системы названий свойствами объекта (т. е. принцип наличия/отсутствия «объектной поддержки»).

1. Семантические микросистемы с внутренним типом связи между номинативными признаками и семантическими моделями

При номинации взаимосвязанных объектов номинативные признаки вступают в разные отношения друг с другом. В этом смысле следует выделить три номинативных подхода: а) взаимосвязанные объекты можно классифицировать по какому-либо субстанциональному признаку; б) можно сравнивать их по качественному признаку; в) можно группировать, комбинировать объекты, воспринимая их как единое целое.

Таким образом, по типу связи между номинативными признаками семантические микросистемы могут быть трех видов: *таксономические, градационные и комбинационные*.

А. *Таксономическая номинация* основана на классификации по субстанциональному признаку, т. е. такому, который не мыслится относительным. В этом случае номинация предельно объективна, здесь нет никакого взаимовлияния, нет мотивационной асимметричности внутри семантической микросистемы. Например, расположенные рядом озера дифференцируются по видам обитающей в них рыбы: оз. *Карасье* — оз. *Окунево* — оз. *Ершово* [8]; реки — по особенностям ландшафта той местности, по которой они протекают: р. *Лесовая Рать* — р. *Полевая Рать* [9, с. 75]; поля — по видам почвы: поле *Глиняное* — поле *Песочное* [8]; деревни — по этнической принадлежности жителей: д. *Русские Карши* — д. *Марийские Карши* [8] и т. д. С точки зрения средств номинации в таксономических микросистемах функционируют тематические группы лексики. В словах одной тематической группы общей является только категориально-лексическая сема, поэтому такие ряды имеют более рыхлую структуру, чем ряды, образованные, например, антонимами.

Б. *Градационные системы* наиболее многочисленны и разнообразны. Их можно назвать также соотносительными рядами, так как между членами ряда устанавливаются линейные, количественные отношения, основанные на разной степени проявления какого-либо признака. Такие системы могут быть составлены как нейтральными, так и образными и оценочными названиями. Нейтральные ряды: оз. *Долгое* — оз. *Широкое* [8] (соотносительность по форме); р. *Соленая* — р. *Сладкая* [23, с. 516—517] (вкус воды); оз. *Поганое* — оз. *Чистое* [24, с. 224] (чистота воды); бол. *Задняя Колка* — бол. *Передняя Колка* [8] (расположение в пространстве); оз. *Пустое* — оз. *Рыбное* [8] (хозяйственная ценность объекта). Образные ряды: о-в *Лысый* — о-в *Кудрявый* [8] (наличие/отсутствие растительности); перекал *Пьяный* — перекал *Похмельный* [25] (скорость течения); оз. *Старуха* — оз. *Девуца* [26] (время возникновения); р. *Жеребенок* — р. *Кобыла* [8] (размер). Оценочные ряды: р. *Добрый Иван* — р. *Лихой Иван* [27],

р. *Умная Кажа* — р. *Дурная Кажа* [28, с. 88], пож. *Веселое* — пож. *Невеселое* [8], р. *Красная Девица* — р. *Девица Смердячая* [7, с. 82—83] и др. Внутри соотносительных рядов можно выделить антонимические и собственно градационные ряды.

Большинство рядов этого типа составлено антонимами. Собственно градация редка, например градация по звуку воды: р. *Жук* — р. *Комарик* [8] — образное обозначение низкого звука и тонкого, высокого. Преобладание антонимов связано с тем, что наиболее распространенные способы обозначения градационных различий — степени сравнения, аналитические конструкции и т. д. — неудобны для компактной топонимии. Курьезом выглядят такие, например, топонимы, как камчатские названия сопок (вернее, ставшие названиями записи из полевых книжек географов С. А. Конради и Н. В. Келля): *Сопочка Поближе* — *Сопочка Подальше*, *Сопочка Повыше* — *Сопочка Пониже*, *Сопочка Правее* — *Сопочка Левее* [29]. Это понятийная основа для названий, но никак не сами названия. Выражая не только противоположность свойств, но и собственно градиционные различия, топонимическая антонимия несет большую функциональную нагрузку, чем эта категория в нарицательной лексике. Например, одна из причин бедности топонимической цветовой гаммы заключается в том, что лексема *черный* впитывает в себя разнообразные оттенки темного цвета, а лексема *белый* может обозначать любые светлые тона.

Некоторые четко фиксируемые в топонимии антонимические пары специфичны. Например, *глухой* — *чистый*: д. *Туймино Глухое* — д. *Туймино Чистое* [8]; *острый* — *толстый*: мыс *Вострой Нос* — мыс *Толстой Нос* [8]; *гнилой* — *золотой*: р. *Гнилая Лица* — р. *Золотая Лица* [23, с. 141]; *прямой* — *слепой*: р. *Прямая Шиверта* — р. *Слепая Шиверта* [28, с. 88]; *глубокий* — *пустой*: оз. *Глубокое* — оз. *Пустое* [24, с. 232] и др.

В. *Комбинация*, в отличие от таксономии и градации, предполагает не сопоставление, а группировку объектов, видение их как частей целого, как деталей картины. Этот тип представлен только образными системами, в основе которых — одновременный учет формы и взаимного расположения объектов. При этом используются следующие модели:

— части тела (человека или животного): пож. *Пупок* — пож. *Лобок* — пож. *Ляжка* [8], оз. *Бабий Пуп* — оз. *Брюшина* [8], ск. *Хребет Дракона* — утес *Зуб Дракона* [30];

— детали одежды: поле *Портки* — поле *Шорин Пояс* — поле *Филин Рукав* [31, с. 178], поле *Штаны* — поле *Опояска* [8];

— детали построек: гора *Печка* — гора *Труба* [8], мыс. *Замок* — гора *Каменный Венец* [17, с. 102] и др.

Отличие градации от комбинации ощутимо на следующем примере. Возьмем две системы: поле *Штаны* — поле *Юбка* [8] и поле *Портки* — поле *Шорин Пояс* [31, с. 178]. В обоих случаях

ряды появились как реакция на распространенное в топонимии название *Штаны (Портки)*, обозначающее поле, разделенное чем-то на два рукава (точнее, на две штанины). Но в первом случае соседнее поле сопоставляется с полем *Штаны* по форме, а во втором случае примыкающая к *Порткам* узкая полоска воспринимается в комплексе с ними и получает название *Пояс*.

Вообще такого рода комплексы имеют очень древнее происхождение, они представляют собой трансформацию мифологического подхода к окружающей действительности. Древний человек представлял все, что около него, над ним, под ним, как суверенные миры, организованные по тем же законам, что и человеческий. Множество таких комплексов встречаем в древних топонимических системах [32]. Монголы видели в географических системах ханское общество, полинезийцы — части рыбы, обские угры — части тела и снаряжения упавшего великана. Для таких мифологических комплексов были характерны «многосторонняя целеустановка и синкретический характер: они выполняли как эстетическую, так и мифолого-религиозную функцию и, кроме того, надежно обслуживали носителей данного языка, будучи эквивалентом карты, которой еще не было» [1, с. 11]. Современные комбинационные системы имеют несколько иную природу. Древний человек при восприятии объекта шел от мифа, и для него не суть важно было сходство очертаний объекта с образом, заложенным в названии. Современный человек идет от внешнего вида объектов. Историческая преемственность этих двух типов восприятия географических объектов ощутима на следующем примере. На территории Усть-Ишимского района Омской области Топонимической экспедицией Уральского университета зафиксировано татарское название озера — *Каргаоя* («воронье гнездо»). Один из информантов, объясняя название озера, вспомнил легенду: ворона разгневалась чем-то орла, который, мстя ей, сбросил ее гнездо в воду, где она и утонула вместе с воронятами. Другой информант, пытаясь объяснить название, рассуждает так: «На этом озере есть лесные островки, они торчат, как воронята из гнезда». Легенды этот информант не знает, он объясняет название, руководствуясь внешним видом объекта.

Таким образом, мотивированность более поздних комбинационных систем существенно отличается от мотивированности первичных систем. Комбинационные микросистемы редки в поздней топонимии.

2. Семантические микросистемы с внешним типом связи между номинативными признаками и семантическими моделями

Можно выделить две разновидности таких рядов: ряды с первым заданным членом и блочные ряды, причем первые встречаются как в естественной, так и в искусственной топонимии, а вторые — только в искусственной топонимии.

Ряды с первым заданным членом появляются как механическая ассоциативная реакция на слово-стимул. При этом слово-стимул (заданный член) часто подвергается народноэтимологическому переосмыслению. Например, в системе р. *Бражка* — р. *Сусло* — р. *Хмелевка* — р. *Некваса* название-стимул — *Хмелевка* (распространенное обозначение рек с зарослями хмеля по берегам). Оно подвергается переосмыслению: актуализируется возможность использования хмеля (вернее, его шишечек) как составного компонента «пьяных» напитков. По ассоциации появляется другой компонент таких напитков — сусло, а затем и сами напитки — брага и квас. Субстратный гидроним *Утка* воспринимается как мотивированный названием водоплавающей птицы и возникает «птичья тематика» в названиях притоков — р. *Лебедь*, р. *Журавлик* [8]. Название оз. *Петухово* возникло в результате метонимического переноса названия деревни отантропонимического происхождения. Поскольку оно осмысляется как мотивированное словом *петух*, соседнее озеро ассоциативно получает название *Курицыно* [8]. Таким образом, название-стимул, как правило, мотивировано свойствами объекта и реализует типичную модель топонимообразования, в то время как ассоциативно появляющиеся компоненты ряда могут быть образованы и по нетипичным моделям.

Иногда ассоциативный поиск может определяться семантической аналогией и возникают изосемантические ряды. Например, среди островов *Оленьи* около Диксона выделяются острова *Большой Олений* — *Малый Олений* — *Пыжик*² — *Оленек*. Аналогичная дифференциация происходит и в названиях островов *Медвежьи*, расположенных поблизости: *Большой Медвежий* — *Малый Медвежий* — *Пестун*³ — *Медвежонок* [33].

Непризнаковые ряды — это своего рода топонимическая языковая игра. В естественной топонимии, стремящейся к верному отражению свойств объектов, доля таких названий ничтожно мала. Иное положение складывается в искусственной топонимии, где помимо рядов с первым заданным членом достаточно распространены блочные системы названий.

Блочные системы составлены тематически спаянной лексикой. Во всех названиях блока номинативный признак приписан объек-

² *Пыжик* — молодой олень, безрогий теленок (Даль, III, 546).

³ *Пестун* — годовалый или двухгодовалый медвежонок, остающийся при матери для пестования младшего брата (Даль, III, 550).

ту извне. Они и появляются единым блоком, воплощая, как правило, продуманный замысел создателя. Ср.:

«— Столовая — на Рябиновой улице.

— Рябиновой?

— По плану так намечено. И Яблонева, и Грушевая улицы. Председатель исполкома — агроном» [34].

Описана вполне реальная ситуация: волей исполкомов (за рубежом — городских муниципалитетов), начальников географических партий появляются блоки названий, в основе которых могут быть самые разнообразные лексические группы: р. *Горняк* — р. *Обогатитель* — р. *Приискатель* — р. *Разведчик* [35]; оз. *Надежда* — оз. *Разлука* — оз. *Испытание* — оз. *Верность* [36]; д. *Богатое* — д. *Счастливое* — д. *Удачное* [37]; *Равнина Алмазная* — *Равнина Зефирия* — *Равнина Эолия* — *Равнина Азания* — *Тирренское Море* — *Море Сирен* — *Плато Олимп* — *Озеро Феникса* — *Пролив Улисса* — *Канал Антей* — *Канал Гигант* (поверхность Марса) [38]; о-в *Октябрьской Революции*: на нем — полуостров *Марсельезы*, на нем — мыс *Гаврош*; рядом — о-в *Коммунар*, фьорд *Марата*; рядом с островом Октябрьской Революции — острова *Пионер*, *Комсомолец*, *Большевик*; между островами *Пионер* и *Комсомолец* — пролив *Юный*, между островами Октябрьской Революции и *Комсомолец* — пролив *Красной Армии* [11, с. 229, 236].

Иногда блоки возникают вследствие «сознательного выделения у объекта только тех признаков, которые не противоречат общему замыслу названия» [39]: например, признак звука воды — ручьи *Баян* — *Дуэт* — *Мотив* — *Соло* — *Рондо* — *Танго* — *Тромбон* — *Песня* — *Полонез* — *Хор* — *Минор* — *Мажор* [40].

Почему же именно условно-символические названия образуют блоки?

Условно-символические названия «безотносительны к денотату» [41], а так как их денотативное, отоъектное значение сводится к нулю, резко возрастает субъективный фактор (воля номинатора) в формировании таких названий. Символические названия для номинатора как произвольная программа для фигуриста — сфера, где он максимально может проявить свои вкусы и пристрастия. Номинатор не скован необходимостью координировать свою деятельность с объективными обстоятельствами, он изначально занимает позицию над объектом. В ассоциативных рядах с первым заданным членом именно эта заданность первого члена, его объектная обусловленность ограничивала свободный полет ассоциации. В данном случае таких ограничений нет.

Создавая символические блоки, номинатор реализует не только эстетические, идеологические установки, но и практические потребности: «Появление тематических ансамблей повсеместно в городах Америки и Европы отвечало требованию более быстрого

поиска местонахождения улицы и соответствует принципам прагматизма» [10, с. 118]. То есть блочная связанность способствует реализации ориентировочной функции топонима, однако это происходит иначе, чем в микросистемах с внутренним типом связи между номинативными признаками и семантическими моделями, где имена собственные стремятся к преодолению своей знаковой ортодоксальности для точного отражения свойств объекта. При условно-символической номинации активизируется семиотическая природа имени: полностью оторвавшись от объектного ряда, названия внутри такого эмблематического блока поддерживают только друг друга. Их без особого ущерба можно заменить цифро-обозначениями.

Таким образом, семантически связанные комплексы топонимов очень неоднородны в плане номинации. Связи названий могут иметь прочное «объектное подтверждение», а могут не иметь его вообще. В этом смысле двумя противоположными полюсами являются таксономические и блочные системы названий. Иногда они используют одинаковые лексические средства для составления совершенно разных по смысловому наполнению рядов. Например, таксономическая система: острова *Березовец — Еловец — Сосновец — Осиновец* [8] (дифференциация по видам деревьев); блочная система: улицы *Сосновая — Каштановая — Апельсиновая — Лимонная — Вишневая — Сливовая — Тутовая — Ивовая* [42, с. 108] (признак приписан объектам извне). Между этими полюсами располагаются системы с различной степенью «объектной поддержки».

Дальнейший сбор фактического материала поможет уточнить и дополнить предложенную типологию семантических микросистем топонимов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Матвеев А. К. Топонимические древности // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987.

² Рут М. Э. Русская народная астронимия. Свердловск, 1987. С. 57—58.

³ См.: *Словарь* географических названий Коми АССР. М., 1975.

⁴ См.: *Словарь* географических названий Мордовской АССР. М., 1975.

⁵ См.: Воробьева И. А. Бинарная оппозиция топонимов как фокус парадигматики и синтагматики // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985. С. 80.

⁶ Чернышова Т. В. Русская оронимия Алтая в аспекте номинации: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1988. С. 175.

⁷ Книга Большому Чертежу / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

⁸ Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета.

⁹ Яценко А. И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. Вологда, 1974.

- ¹⁰ Егорова Т. П. Названия улиц в семиотическом аспекте общности стилей // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988.
- ¹¹ *Топонимика морей Советской Арктики*. Л., 1972.
- ¹² Варникова Е. Н. Русская топонимия Среднего Посухонья в ономаσιологическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1987.
- ¹³ Гак В. Г. О семантической относительности языковых единиц // Всесоюз. науч. конф. по теорет. вопр. языкознания: Тез. докл. и сообщ. пленар. заседаний. М., 1974. С. 25.
- ¹⁴ Шапиро Р. Я. Имена собственные и несобственные в аспекте номинации // Семантика слова и смысл текста. Саранск, 1986. С. 161.
- ¹⁵ Гутиев Р. Г. С рюкзаком по краю: Спутник туриста. Хабаровск, 1971. С. 194.
- ¹⁶ Дмитриева Л. М. Формирование и функционирование русской топонимии Кулунды: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1988. С. 88.
- ¹⁷ Семенов В. И. В краю вулканов и гейзеров. М., 1973.
- ¹⁸ Князьков В. В., Шпиль П. С. Горы зовут: Сб. турист. маршрутов по Кузбассу. Кемерово, 1970. С. 72.
- ¹⁹ Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 35.
- ²⁰ См.: Отин Е. С. К вопросу об этимологизировании гидронимов // Топонимика в региональных географических исследованиях. М., 1984. С. 18—19.
- ²¹ Матвеев А. К. К интерпретации одной условной топонимической системы // Этимология, 1984. М., 1986. С. 134.
- ²² Макаев Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопр. языкознания. 1962. № 5. С. 49.
- ²³ *Словник гідронімів України*. Київ, 1979.
- ²⁴ Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- ²⁵ Хороших П. П. По родному краю. Иркутск, 1952. С. 36.
- ²⁶ Никифоров А. И. Деснянские озера. Киев, 1970. С. 73.
- ²⁷ Отин Е. С. Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона // Восточнославянская ономастика. М., 1979. С. 137.
- ²⁸ *Русская топонимия Алтая*. Томск, 1986.
- ²⁹ Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1967. С. 13—14.
- ³⁰ От Саян до Океана: По туристским маршрутам края. Красноярск, 1968. С. 46.
- ³¹ Баранцев А. Д. Топонимика полей д. Межники Осташковского района Калининской области // Учен. зап. / Калинин гос. пед. ин-т. 1945. Т. 10. Вып. 3.
- ³² См., напр.: Матвеев А. К. Образное народное видение и проблема ономаσιологической и этимологической интерпретации топонимов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. Вып. 12. С. 14—15; Он же. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986. С. 88—93; Он же. Топонимические древности. С. 9—12; Власова Д. Д. Топонимы, отражающие религиозные представления кондинских манси // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14. С. 58—60; Ромбандеева Е. И. Некоторые этимологии мансийских топонимов // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 3. С. 50—51.
- ³³ Мельхеев М. Н. Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск, 1986.
- ³⁴ Слуцкис М. Лестница в небо. Жажда. Чужие страсти. М., 1973. С. 375.
- ³⁵ Воробьева И. А. Новые русские гидронимические модели // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1966. Вып. 1. С. 62.
- ³⁶ Бабкин П. В. Кто, когда, почему: Происхождение названий на карте орден Ленина Магаданской области. Магадан, 1968. С. 114.
- ³⁷ Красноярский край: Справ. адм.-террит. деления. Красноярск, 1983. С. 26.
- ³⁸ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 82.
- ³⁹ Голомидова М. В. Искусственная номинация в топонимии: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1987. С. 155.
- ⁴⁰ Матвеев А. К. Топонимастика и современность // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8—9. С. 10.

⁴¹ *Голев Н. Д.* Заметки об условно-символической номинации в русском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск. 1980. Вып. 9. С. 49.

⁴² *Мирер Е. С.* Названия улиц и кварталов Нового Орлеана // Микротопонимия. М., 1967. С. 108.

М. Н. Нечай

Свердловск

СЕМАНТИКА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ТЕРМИНА И ЕГО УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТЬ В ТОПОНИМИИ

Географический термин и топоним очень тесно связаны друг с другом, так как первый квалифицирует объект, а второй выделяет его из ряда подобных. Поэтому вполне естественно, что географическая лексика составляет основную группу имен существительных, участвующих в построении топонимов. В этом плане не является исключением территория лесных районов Среднего Прииртышья (на отрезке Тобольск — Тара), ставшая объектом нашего наблюдения. Данный регион, относящийся к зоне самого раннего русского освоения Сибири, характеризуется преимущественно равнинным ландшафтом, обилием рек, озер и низких заболоченных мест.

Около 85% от общего количества терминов, зафиксированных на указанной территории, — а всего их встретилось 210 — представлено в составе топонимов с большей или меньшей частотностью. Однако более 15% (т. е. почти шестая часть) слов, обозначающих географические объекты, ни разу не были зафиксированы в топонимах. Такой факт, как нам представляется, заслуживает внимания, тем более, что лексика, последовательно не употребляющаяся в географических именах, есть на любой территории, однако вопрос, почему в топонимической номинации наблюдается такая избирательность, до сих пор не получил сколько-нибудь удовлетворительного объяснения.

Заметим, что лексика, не употребляющаяся в топонимах, не является чужеродной, не свойственной диалекту, на базе которого формируется топонимия. В большинстве случаев это слова, имеющие довольно широкое распространение в микрорегионе, а иногда и далеко за его пределами. Почему же такого рода слова последовательно отвергаются топонимической системой?

Сам факт отторжения при топонимической номинации определенного круга апеллятивной лексики говорит о том, что послед-